

О.О.Будянская, Е.Ю.Мяжкова (Курск)
СОПОСТАВЛЕНИЕ СРЕДСТВ ОПИСАНИЯ ЭМОЦИЙ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ СТРАХА)

В современной когнитивной лингвистике ведутся многочисленные исследования когнитивных моделей, в рамках которых осуществляется анализ концептов через обращение к средствам естественного языка. В частности, анализ эмоциональных концептов имеет целью показать, что эмоции как явления психики имеют чрезвычайно сложную концептуальную структуру [Lakoff & Kövecses 1987; Kövecses 1990], которая может быть выявлена путем систематизации языковых выражений, используемых носителями языка для обозначения и представления эмоций¹. Как считает А.Вежбицкая, «без толкований такого рода невозможно было бы объяснить отношения между такими понятиями как *зависть, ревность, ненависть, презрение, жалость, восхищение* и т.д. Невозможно было бы также сравнивать (и интерпретировать) концепты эмоций в разных языках» [Вежбицкая 1996: 216].

Модели эмоций обычно строятся на основании анализа языковых средств (метафорических и метонимических выражений), имеющих в языке и используемых для описания соответствующей эмоции. Их применение для анализа эмоциональных концептов целесообразно потому, что «в современных языках... метафорические и метонимические переносы формируют особый пласт средств выражения в языке для обозначения внутренних (ментальных и эмоциональных) состояний и процессов»; при этом «перенос значения по модели 'от физического процесса или состояния к

¹ Эти выражения трактуются как средства толкования эмоции, через которые может осуществляться доступ к структуре исследуемого концепта; при этом само понятие концепта в работах данного направления обычно не объясняется. В общем, концепт трактуется здесь как некоторая часть единой картины мира, стоящая за словом в сознании индивида и представленная прототипической моделью. Эта модель может быть описана средствами естественного языка.

внутреннему состоянию» особенно часто наблюдается в языковых средствах, обслуживающих поле эмоциональности, что, возможно, связано с физиологическими проявлениями некоторых базовых эмоций, наследуемых человеком на генетическом уровне» [Клобуков, 1997: 41]. Связь между физиологическими симптомами и эмоциями может напоминать некоторые метонимические отображения (*mappings*), особенно в причинно-следственных соотношениях. Такие отношения наблюдаются в метонимиях типа THE TONGUE STANDS FOR SPEECH или THE HAND STANDS FOR WRITING [Ungerer & Schmid, 1996: 131]. Именно на основании этого сходства может быть сформулирован общий «метонимический принцип»: THE PHYSIOLOGICAL EFFECTS OF AN EMOTION STAND FOR THE EMOTION [Lakoff & Kövecses, 1987], на основании которого выводятся прямые соответствия между различными видами физиологических симптомов и языкового выражения эмоций. Анализ обширного языкового материала (преимущественно идиом, базирующихся на метонимиях и метафорах) позволяет сделать вывод об исключительно сложной концептуальной структуре эмоций и построить их прототипические сценарии.

В своей книге «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ» З.Кёвечеш [Kövecses 1990] предпринимает попытку показать, что эмоциональные концепты имеют более сложную и тонкую структуру и более богатое концептуальное содержание, чем можно предположить, исходя из классической точки зрения на эмоции. Основная методологическая идея состоит в том, что обычный (*conventionalized*) язык, который мы используем, когда говорим об эмоциях, может быть важным инструментом для обнаружения структуры и содержания наших эмоциональных концептов. Более того, этот язык может многое сказать относительно нашего эмоционального опыта (а также относительно его культурной специфики). Таким образом, для понимания эмоционального опыта необходимо изучить *языковые описания эмоций*, а не те «сигналы», которые используются для их выражения. Такая необходимость обусловлена тем, что когнитивные модели, в

которые 'упакован' огромный объем индивидуального опыта и которые представляют 'ненаучное' (дополняющее научное) представление в рамках какой-то области знаний, в значительной степени определяются естественным языком. Именно посредством языка мы 'строим концептуальную вселенную'.

Для того, чтобы можно было сравнить названные исследования эмоциональных концептов с другими теориями эмоций, рассмотрим некоторые примеры. Так, анализ одной из 'базовых' эмоций – *ГНЕВА* [Lakoff & Kövecses 1987] начинается с описания общей культурной модели физиологических признаков *ГНЕВА*, которую можно представить в следующем виде: *физиологические проявления ГНЕВА – 1) повышенная температура тела, повышенное давление, мышечное напряжение, волнение и нарушение точности восприятия; 2) с нарастанием гнева увеличиваются и его физиологические проявления; 3) существует предел, до которого физиологические проявления ГНЕВА препятствуют нормальному поведению.* Затем для этой эмоции (соответственно признакам *ГНЕВА*) выделяются основные метонимии: *ГНЕВ – это: температура тела, внутреннее давление, покраснение лица и шеи, волнение, нарушение точности восприятия.* Отсюда возникают две версии соответствующей метафоры: *ГНЕВ – ЭТО ЖАР ИЛИ ЖИДКОСТЬ В СОСУДЕ (HEAT OR FLUID IN CONTAINER).* Соответственно формулируется общая метафора, описывающая наше представление об эмоциях: *ТЕЛО – ЭТО СОСУД, В КОТОРОМ СОДЕРЖАТСЯ ЭМОЦИИ.*

Анализ большого набора идиом, описывающих состояние гнева, дает возможность сделать вывод о том, что не имеется одной общей когнитивной модели *ГНЕВА*. Напротив, имеется категория когнитивных моделей с прототипической моделью в центре. Из этого следует, что ошибочно было бы пытаться построить одну когнитивную модель для всех реализаций концепта. Виды *ГНЕВА* – это не конкретные случаи

одной и той же модели, это варианты модели [Lakoff & Kövecses 1987: 217].

Авторы многих исследований подобного типа (см., например, [Kövecses 1990; Lakoff & Kövecses 1987; Wierzbicka 1996] и др.) считают, что, несмотря на то, что подобная трактовка представляет собой лишь 'ненаучную' теорию, она выдержала проверку временем, о чем свидетельствуют языковые данные. Имеющиеся в работе [Lakoff & Kövecses 1987] ссылки на результаты других исследователей (например, [Ekman et al. 1983]) дают авторам основания полагать, что рядовые носители английского языка с помощью описания эмоций языковыми средствами могут очень точно проникать в собственную психологию [Lakoff & Kövecses 1987: 217]. Эти результаты показывают также, что многие аспекты того, как мы концептуализируем ГНЕВ, обусловлены нервной системой, и что концептуальные метафоры и метонимии, которые используются для понимания ГНЕВА, не являются произвольными: наоборот, они мотивированы нашей физиологией, т.е. реальное содержание концептов соотносится с чувственным опытом. Этот факт представляет особый интерес в отношении метафорических концептов, поскольку соответствие обнаруживается между метафорами и физиологией, а не непосредственно между буквальным смыслом и физиологией. Авторы считают, что это подтверждает утверждение Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff & Johnson 1980], что концептуальные метафоры – это не просто полет фантазии, но в их основе лежит телесный (чувственный) опыт [Lakoff & Kövecses 1987: 221].

Таким образом, получается, что выражения, которые используются для описания гнева в американском английском, представляют собой не беспорядочный набор; они структурированы в терминах сложной концептуальной модели, которая внутренне присутствует в семантике языка. Это показывает, что ГНЕВ – не просто аморфное чувство; ГНЕВ имеет сложную когнитивную структуру.

В нашем исследовании была предпринята попытка сопоставления идиоматических выражений, используемых

носителями русского и английского языков для описания эмоции СТРАХА. В табл.1 приводятся примеры распределения отобранного фактического материала по группам в соответствии с основными признаками/моделями, по которым описывается FEAR/СТРАХ.

Таблица 1. Средства описания FEAR/СТРАХА.

FEAR	дрожь, вздрагивание	<i>to shake in one's boots; to be afraid, to shake from fear; to quake in one's boots; nearly jump out of your skin; to give someone the willies</i>
	перебои в сердце	<i>his heart sank; his heart leaped into his mouth; his heart missed a beat; to have one's heart in one's mouth</i>
	опасность, смерть	<i>to frighten someone to death; to scare someone to death; to scare someone stiff</i>
	оцепенение	<i>fear turned him to stone; to become petrified; to grow (become) dumb; fear rooted him to the ground; to be paralyzed (frozen) with fear; his tongue was swollen with fear; the legs got numb</i>
	мурашки	<i>fear makes his flesh creeps; fear makes his blood creeps; a cold shiver ran down his spine;</i>
	потеря рассудка	<i>to frighten (scare) the wits out of someone; to frighten (scare) living daylight out of someone;</i>
	страх – живое существо	<i>fear has a hundred eyes; fear sees danger everywhere; fear eats one's heart out; fear took his breath away</i>
	страх – предмет	<i>to put fear in somebody's heart; to fall into fear; to put in fear; to throw a scare into someone;</i>
	внешние изменения	<i>fear twists one's mouth; his face grew white; his face was destroyed; to go grey; to turn grey; to make one's hair stand on end;</i>
	внутренний холод	<i>to grow cold with fear; fear makes his blood freeze</i>

СТРАХ	оцепенение	<i>застыть от страха; окаменеть от страха; прирасти к земле от страха; страх приковал его к месту; язык отнялся от страха; оцепенеть от страха; онеметь от страха; ноги отнялись от страха; ноги стали ватными; ноги подгибаются; дыхание перехватило от страха; в зобу дыханье сперло; у него ком в горле; лишиться дара речи</i>
	внешние изменения	<i>сжегиться от страха; волосы дыбом встали; посесть от страха; его перекосило от страха; лицо побелело от страха</i>
	оцепенение	<i>застыть от страха; окаменеть от страха; прирасти к земле от страха; страх приковал его к месту; язык отнялся от страха; оцепенеть от страха; онеметь от страха; ноги отнялись от страха; ноги стали ватными; ноги подгибаются; дыхание перехватило от страха; в зобу дыханье сперло; у него ком в горле; лишиться дара речи</i>
	внутренняя дрожь	<i>трепетать от страха; дрожать; вздрогнуть; страх заставил его содрогнуться; у него мурашки по спине ползают</i>
	влияние страха на сердце	<i>сердце оборвалось; сердце опустилось; сердце в пятки ушло</i>
	страх – живое существо	<i>у страха глаза велики; страх исказил его лицо; страх заставил его содрогнуться</i>
	страх – предмет	<i>держаться в страхе; нагонять страх; вселять страх; томиться от страха</i>
	внутренний холод	<i>леденеть от страха; кровь в жилах стынет; душа леденеет от страха</i>
	влияние страха на рассудок	<i>обезуметь от страха; рассудок помутился; потерять рассудок от страха</i>
	страх может привести к смерти	<i>умирать от страха; испугаться до смерти</i>
	влияние страха на душу	<i>душа в пятки ушла; вселять страх в чью-то душу; душа леденеет от страха</i>

Таким образом, мы видим, каково бытовое восприятие страха: человек либо каменеет, замирает, немеет, либо трясется, вздрагивает, дрожит, а также испытывает неприятный холод, мурашки. Более того, страх влияет на работу сердца (например, *сердце оборвалось, сердце опустилось*). Страх также влечет за собой изменения внешности человека, а именно: искажает и искривляет лицо, испуганный человек бледнеет, волосы его могут стать дыбом или поседеть. Примечательно, что страх способен привести к безумию и даже смерти. Находясь в ожидании опасности, человек постоянно томится и мучается от одной только вероятности ее появления. Получив эту бытовую картинку страха, можно провести параллель с его физиологическим и психологическим описанием. С точки зрения физиологии, процесс страха сопровождается снижением тонуса мускулатуры, частоты сердцебиения, кровяного давления. Он также может привести к расширению зрачков, потоотделению, приливу крови к мускулам. Интенсивный страх приводит даже к смерти, так животные и люди могут быть испуганы буквально до смерти. Страх является эмоцией большой силы, которая оказывает заметное воздействие на восприятие, мышление и поведение индивида. Но, по сравнению с другими эмоциями, ее влияние является наиболее сдерживающим. При страхе ограничивается восприятие. Он может оказывать влияние на мышление, а в зависимости от своей интенсивности переживается как предчувствие, неуверенность, полная незащищенность. Появляется чувство недостаточной надежности, чувство опасности и надвигающегося несчастья. Человек ощущает угрозу своему существованию, которая может переживаться как угроза своему телу, своему психологическому Я [Изард 1980]. Можно выделить также основные метафоры, вокруг которых строится описание: СТРАХ – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО; СТРАХ – ЭТО ПРЕДМЕТ; СТРАХ – ЭТО ОПАСНОСТЬ; СТРАХ – ЭТО БЕЗУМИЕ. Из примеров также видно, что они в полной мере реализуют приведенный выше общий 'метонимический прин-

цип: THE PHYSIOLOGICAL EFFECTS OF AN EMOTION
STAND FOR THE EMOTION.

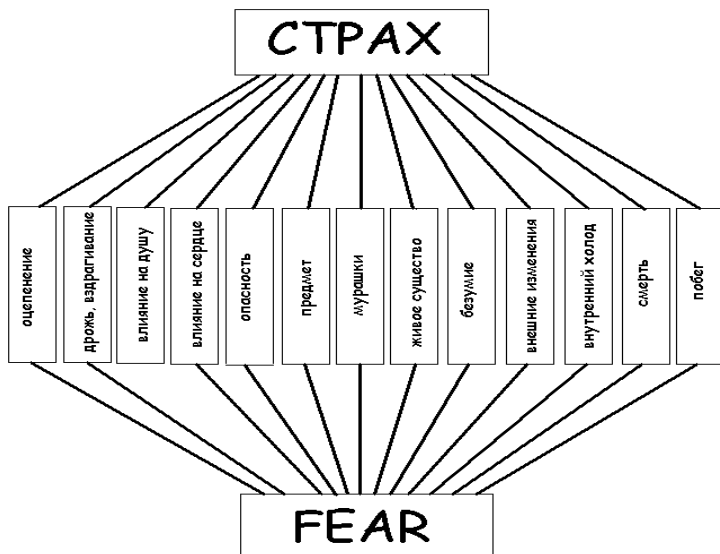

Рис.1. Концепт СТРАХ/FEAR в русском и английском языках.

Если сравнить полученные описания *СТРАХА* в русском и английском языках, можно сделать вывод об их сходстве и различиях (см. *Рис. 1*). Выделенная русскими категория, влияние страха на душу человека, не наблюдается в английском материале. Среди проанализированных более 50 английских идиоматических выражений, не было обнаружено ни одного упоминания о влиянии эмоции страха на душу человека. По-видимому, здесь можно говорить специфике представлений о *СТРАХЕ* в русской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
2. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
3. Клобуков П.Е. Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 1997. Вып.2. С.41-47.
4. Ekman P., Levenson R.W. & Friesen W. Autonomous nervous system activity distinguishes among emotions // Science. 1983. Vol.221. Pp. 1208-1210.
5. Kövecses Z. Emotion concepts. New York etc.: Springer-Verlag, 1990.
6. Lakoff G. & Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
7. Lakoff G. & Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp.195-221.
8. Ungerer F. & Schmit H.-J. An introduction to cognitive linguistics. London; New York: Longman, 1996.
9. Wierzbicka A. Semantics. Primes and universals. Oxford; New York: Oxford University Press, 1996.

Получено 8.05.2002 Курский государственный педагогический университет